

В. Беклемышев, Р. Вартанов, Д. Дубровский // Наноиндустрия : Научно-технический журнал. – 2008. – Вып. 1. – С. 4-11.

11. Аршинов В.И. Философские проблемы развития и применения нанотехнологий / В.И. Аршинов, М.В. Лебедев // Философские науки. – 2008. – № 1. – С. 58-79.

12. Бернштейн А.В. Когнитивные технологии в компьютерных системах проектирования и анализе данных / А.В. Бернштейн, А.П. Кулешов // URL: 2008.it-edu.ru/.../Kuleshov%20Bernshteyn%20Kognitivnie_tehnologii.doc

13. Горохов В.Г. Новейшая история развития нанотехнологии как технонауки / В.Г. Горохов // Наука и науковедение. – 2009. – № 4. – С. 43-61.

14. Grünwald A. Nanotechnology – A New Field of Ethical Inquiry? / A. Grünwald. // Science and Engineering Ethics. – Vol. 11. – 2005. – No. 2. – P. 187-201.

15. Прайд В. Феномен NBIC-конвергенции: Реальность и ожидания / В. Прайд, Д.А. Медведев // Философские науки. – 2008. – № 1: – С. 97-117.

16. Оноприенко В.И. Технонаука в знаниевом обществе / В.И. Оноприенко, М.В. Оноприенко // Вісник Національного авіаційного університету. Філософія. Культурологія. – 2009. – Вип. 1 (9). – С. 33-36.

17. Юдин Б.Г. Знание как социальный ресурс / Б.Г. Юдин // Вестник РАН. – 2006. – Т. 76. – № 7. – С. 587-595.

18. Жукова Е.А. Hi-Tech: феномен, функции, формы / Е.А. Жукова ; под ред. И.В. Мелик-Гайказян. – Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2007. – 376 с.

В.І. Онопрієнко

NBICS-ТЕХНОЛОГІЇ ТА РИЗИКИ СУСПІЛЬСТВА ЗНАЇ

У статті розкрита природа новітніх мегатехнологій: інфо-, біо-, нано-, когнітивних та соціогуманітарних, що посилюють ефекти їхнього спільного застосування і ризиковість суспільства знань.

Ключові слова: високі технології, суспільство знань, NBICS-технології, біологічне і соціальне конструювання, ризики для суспільства і людини.

V. Onoprienko

NBICS-TECHNOLOGIES AND RISKS OF KNOWLEDGE SOCIETY

The nature of the newest mega-technologies: info-, bio-, nano-, cognitive and sociohumanitarian, the increasing effects of their combined application and the risk nature of the Knowledge society are revealed in the article.

Key words: High technologies, Knowledge society, NBICS-technologies, biological and social engineering, risks for society and man.

УДК 16

Ю.И. Оноприенко

СИСТЕМНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПСИХИКИ И СОЗНАНИЯ

Федеральный центр биоразнообразия наземной биоты Восточной Азии Дальневосточного отделения РАН

Аннотация. На основе авторской концепции системно-информационной методологии рассмотрена природа и механизмы психики и сознания. В статье большое внимание уделяется ключевой при анализе сознания проблеме мифотворчества.

Ключевые слова: психика, сознание, предсознание, бессознательное, миф, мифотворчество, системно-информационный подход.

Введение

Проблема возникновения и особенностей становления сознания перманентно является одной из злободневных и актуальных во все времена и у всех народов. Никто не отрицает, что сознание свойственно только человеку, но каким образом оно появилось и как эволюционировало во времени с момента появления у человека способности активно и целенаправленно накапливать, систематизировать и использовать информацию на этот вопрос никто не может ответить однозначно.

В психологии, как, впрочем, и в философии, принято выделять два уровня исследования проблемы сознания: первый предполагает описание способов восприятия объектов в сознании и существования этих объектов в сознании (описание феномена сознания); второй подход ищет объяснение самому феномену сознания. Информационно-генетический аспект эволюции сознания как таковой практически не рассматривался. И это не столько вина специалистов в области сферы сознания человека, сколько противоречивое восприятие феномена информации и недостаточная разработанность теории наследственности, особенно приме-

нительно к сфере сознания в ее информационно-генетическом аспекте.

Мы слишком мало знаем о наследственности, хотя этому феномену посвящены многочисленные публикации, что же касается возможного влияния информации психической сферы, отвечающей отражению воздействия активных факторов действительного мира нашими эволюционными предшественниками – эта тема до сегодняшнего дня фактически остается незатронутой. Еще меньше мы знаем о возможности использования сознанием потенциальной информации сферы бессознательного. Разумеется, кроме случаев патологии психики, что отнюдь не дает нам возможность составить системные представления о структуре, содержании и возможности активизации (актуализации) последней.

Решение многих проблем, встающих перед современными учеными в различных областях научного познания, можно было бы облегчить с помощью разработки общенаучной методологии, опирающейся на универсальные принципы, законы и системные обобщения. В данной статье для анализа некоторых проблем взаимоотношения феномена сознания с генетическими корнями человеческой

психики используются положения системно-информационного подхода

Анализ исследований и публикаций

Ключевой при анализе сознания, предсознания и бессознательного является проблема мифотворчества.

Исходя из всеобщности закономерностей эволюции всего организованного сущего, мы вправе ожидать распространение действия этих закономерностей на все многообразие проявления организационных форм, включая феномены сознания и бессознательного. Так, К.Г. Юнг [1, 2] еще в середине прошлого века выдвинул концепцию коллективного бессознательного, согласно которой в психике человека помимо индивидуального подсознательного существует коллективное бессознательное, представляющее собой наследуемый опыт предшествующих поколений. Коллективное бессознательное выступает в форме архетипов (структурных элементов психики), формирующих фундамент духовной жизни человека. Архетипы задают основы системного восприятия мира, собственной личности и других людей, они нейтральны в отношении категорий добра и зла. Их количество ограничено, и особенно определенно они проявляются в мифах, сказках, ритуалах, снах, а также при некоторых формах психических расстройств.

Феномен мифотворчества и его место в интеллектуальной сфере издавна привлекает внимание исследователей. Попытаемся разобраться в различных точках зрения на эту проблему. Вот мнение одного из отечественных авторитетов в этой области: «Мифы – это попытки осмыслить явления мира и как бы вжиться в них с помощью эмоциональных и логических ассоциаций, причем, ввиду ограниченности общественной практики, большинство ассоциаций, строящихся по семантическим рядам, оказываются по большей части отдаленными и не поддающимися проверке. Однако мысль человека, даже не вооруженная достаточными знаниями, интуитивно распознает закономерность и известную упорядоченность явлений природы, начиная от периодичности функционирования собственного организма и необходимой ритмичности трудового процесса и кончая закономерной сменой дня и ночи, времен года, воссоздания пищевых ресурсов и т. п. (не было ли восприятие взаимоотношения человека с миром как ритма вообще первым всеобъемлющим обобщением в истории человеческой культуры?) Можно было бы даже примерно определить, когда это произошло: начиная с новокаменного века, происходит всеобщая ритмизация изображений растений, животных и людей ...возникновение ритмизированных объединений действий – танца, речи, нараспев и звукового сопровождения, в особенности именно в связи с осмыслением мира через миф. Не исключено, что сама физиология человека способствует лучшему восприятию и воспроизведению информации не непрерывными порциями, а ритмически поступающими порциями, как бы «квантами»» [3, с. 15-16].

В своих выводах И Дьяконов опирается на анализ обобщений многих своих предшественников. Согласно Х.Г. Гейне [4], мифы – это попытки осмысления мироздания, при этом причиной создания мифологем является незнание причин явлений. Первобытный человек не мог использовать абстрактные понятия, поэтому разнообразные, необъяснимые и ошеломляющие масштабами явления окружающей природы вызывали в нем изумление и религиозное благоговение; под влиянием аффекта разыгрывалась воображение, превращавшее объективно воспринимаемую, но непостижимую действительность в фантастические образы, при этом понятие «явиться причиной» предполагало акт «творения», за которым стоит «творец». Надо отметить, что в своей концепции Х.Г. Гейне не выводит идею божества из самого мифотворчества, а предполагает изначальное присутствие этой идеи в душе человека. Очевидно, при отсутствии свидетельств непосредственного процесса мифотворчества в его первичной форме, следует полагать, что в основе создания отдельных сюжетов мифов решающую роль могли играть случайные ассоциации идей, с течением времени в их дальнейшем развитии на первый план выдвигалось свободное видение поэтов-интерпретаторов, покорявших своим вдохновением и талантом умы и чувства людей. Примечательно, что в своих работах Х.Г. Гейне считал существенным изучение закономерностей постепенного распространения мифов в пространстве и времени.

Согласно Б. Малиновскому [5], миф не претендует на объяснение каких-то явлений, но является выражением веры, т. е. – это не просто переживание, но переживаемая действительность. В первобытном обществе роль мифа многообразна: он выражает и обобщает верования, обеспечивает и укрепляет общественную мораль того общества, в котором он сложился, доказывает целесообразность обряда и культа и содержит практические правила человеческого поведения. Тем самым миф – не праздный продукт воображения, а образец для подражания, своего рода насущный и действенный закон – подтверждение некой изначальной существующей реальности, не только отголосок минувших событий, но необходимых и поныне образцов универсальных моральных ценностей, общественных устройств и символов веры, которые способны обеспечивать преемственность в развитии культуры, поддерживать устоявшиеся в общественной практике нормы взаимоотношения поколений и полов, связывать прошлое, настоящее и нарождающееся будущее.

Несколько иных взглядов на роль мифотворчества в истории развития человеческого общества придерживался А. Лосев [6]. Приведем несколько его высказываний, отражающих его позицию:

«Миф – не идеальное понятие и также не идея и не понятие. Это есть сама жизнь. Для мифического субъекта это есть подлинная жизнь, со всеми ее надеждами и страхами, ожиданиями и отчаянием... Миф не есть научное и, в частности, примитивно-научное построение. Предыдущее учение об идеальности мифа особенно резко проявляется в понимании

мифологии как первобытной науки. Большинство ученых во главе с Контом, Спенсером, даже Тейлором, думает о мифе именно так и этим в корне искажает подлинную природу мифологии... несмотря на всю абстрактную практичность науки, почти все наивно убеждены, что мифология и первобытная наука – одно и то же...» [6, с. 400-401].

«Миф насыщен эмоциями и реальными жизненными переживаниями; он, например, олицетворяет, обоготворяет, чтит или ненавидит, злобствует. Может ли быть наука таковой? Первобытная наука, конечно тоже эмоциональна, наивно-непосредственна и в этом смысле вполне мифологична. Но это-то как раз и показывает, что если бы мифологичность принадлежала к ее сущности, то наука не получила бы никакого самостоятельного исторического развития и история ее была бы историей мифологии» [6, с. 402].

[«...я категорически протестую против второго лженаучного предубеждения, заставляющего утверждать, что мифология предшествует науке, что наука появляется из мифа, что некоторым историческим эпохам, в особенности современной нам, совершенно не свойственно мифическое сознание, что наука побеждает миф»] [6, с. 403].

Казалось бы, отношение А. Лосева к проблеме соотношения понятий [миф] и [наука] совершенно недвусмысленно, но попытаемся глубже погрузиться в его аргументацию:

«Прежде всего, что значит, что мифология предшествует науке? Если это значит, что миф проще для восприятия, что он наивнее и непосредственней науки, то спорить об этом совершенно не приходится. Также трудно спорить и о том, что мифология дает для науки тот первоначальный материал, над которым она будет в дальнейшем производить свои абстракции и из которых она должна выводить свои закономерности. Но, если указанное утверждение имеет тот смысл, что сначала существует мифология, а потом наука, то оно требует полного отвержения и критики» [6, с. 403].

«Именно, во-вторых, если брать реальную науку, т.е. науку, реально творимую живыми людьми в определенную историческую эпоху, то такая наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально питается ею, почерпая из нее свои исходные интуиции» [6, с. 403].

Если вдуматься в аргументы А. Лосева, создается впечатление, что в отстаивании своей позиции он выступает не столько как ученый-логик, но скорее как схоласт, обрушивающий всю мощь своей эрудиции на головы своих многочисленных и именитых оппонентов, не замечая, что многие из приведенных высказываний льют воду на мельницу последних. Учитывая, что цитируемая работа относится к ранним работам А. Лосева подобную позицию можно объяснить юношеским максимализмом автора, не очень жаловавшего современную ему науку: «Не только гимназисты, но и все почтенные ученые не замечают, что мир их физики и астрономии есть довольно-таки скучное,

порою отвратительное, порою же просто безумное марево... я, по грехам своим, никак не могу взять в толк: как это земля может двигаться? Учебники читал, когда-то хотел сам стать астрономом, даже женился на астрономке, но вот до сих пор никак не могу себя убедить, что земля движется и что неба никакого нет. Какие-то там маятники и отклонения чего-то куда-то, какие-то параллаксы. Неубедительно. Просто жидковато как-то» [там же, с. 405]. Что можно сказать по поводу столь своеобразного высказывания А. Лосева? Приговор, как говорится, окончательный и обжалованию не подлежит!

Но все это по темпам XX века представления давно минувших дней. Есть и более современные: книга Дж. Ф. Бирлайна «Параллельная мифология» увидела свет в США в 1994 г., переведена и издана в Москве в 1997 г. [7] Основополагающие утверждения автора сводятся к следующему:

«Миф – это нечто постоянное и неизменное для всех людей во все времена, общие модели, сюжеты и даже детали, содержащиеся в мифах, встречаются везде и повсюду. Это объясняется тем, что миф – это совокупное наследие воспоминаний наших предков, передававшееся из поколения в поколение. Миф даже может входить в структуру нашего подсознания; *не исключено, что он закодирован в наших генах* (выделено О.Ю.)

Миф – это рассказ о событиях, совершившихся до начала письменной истории, и о значении событий, которые произойдут в будущем. Миф – это нить, соединяющая воедино прошлое, настоящее и будущее.

Миф – это своего рода уникальный язык, описывающий реалии, лежащие за пределами наших пяти чувств. Он заполняет пропасть между образами подсознания и языком сознательной логики.

Миф – это «склейка», формирующая целостные сообщества людей. Он представляет собой основу самоопределения общин, племен и наций.

Миф – это сущностно необходимый элемент во всех сводах нравственных законов. Основа моральных кодексов всегда выводилась из мифологии и религии. Миф – это комплекс верований, придающих жизни смысл.

Миф помогает людям и обществам достойно и адекватно приспособиться к своему окружению» [7, с. 14-15].

Основная часть

ОТ МИФОТВОРЧЕСТВА К САМОСОЗНАНИЮ

Из наиболее известных публикаций по проблемам мифотворчества выстраивается достаточно любопытная последовательность в эволюции мировоззрения от видения мира через миф к религиозному восприятию. Так, виртуозы мифотворчества – античные греки, прирожденные реалисты, были убеждены, что предмет зрения существует до того, как он увиден, и продолжает существовать в таком же виде и после акта его восприятия; что разум существует как вещь, а потому он остается разумом, даже если в этот момент и не мыслит. Разум и объект существуют независимо друг от друга, а в момент их встречи

объект оставляет след на «поле» разума. След же отражает только внешность вещей. В мировоззрении грека отведено очень мало места личности. Согласно испанскому философу Х. Ортега-и-Гассету, даже Платон предпочитал говорить чаще «МЫ», чем «Я». Античный грек живет постоянно «вне себя», его «Я» направлено к вещам: оно не задерживается в самом себе, не делает себя предметом своего пристального внимания и рассмотрения.

С точки зрения биологии и антропологии подобный способ отношения к миру вполне обоснован, что подтверждается присутствием соответствующей стадии в онтогенезе (индивидуальное развитие зарождения до смерти) человека: ребенок примерно до трех лет говорит о себе в третьем лице, т. е. относится к себе как к объекту, и все его внимание сосредоточено на разнообразии окружающего мира. Считается, что данный феномен эволюционно обусловлен инстинктом самосохранения. Соответственно представление античного грека о душе весьма своеобразно. Она существует, но не воспринимается как нечто сугубо индивидуальное, это нечто вроде своеобразного внутреннего скрытого движителя у всего сущего в мире. Душа как движитель приписывается не только человеку: она есть у животных, растений, минералов, различных стихий и т. п. А. Лосев отмечал, что даже у позднеантичных римлян настроение и душевное состояние играли весьма малозначительную роль в их отношении к религии. В своих верованиях они не столько предавались внутреннему вдохновению или восторгу, чувству любви к богам, сколько буднично, без особой экзальтации, исполняли ритуал: на первое место выходили чисто прагматические проблемы, важно знать какому богу и когда молиться, тогда соответствующий бог будет просто вынужден помочь тому, кто исполнил все необходимые действия. Соответственно на подобных принципах основывалось и мировоззрение философов древности.

Изучая факты параллельного и независимого развития религиозных представлений, известный экзистенциалист К. Ясперс выдвинул концепцию «осевого периода», согласно которой за относительно короткий отрезок истории (около пяти столетий) появились предпосылки возникновения всех основополагающих мировых религий. Согласно Ясперсу в это время произошел эпохальный сдвиг от «мифа к логосу», т. е. от мифологического мировоззрения к философским обобщениям религиозного толка, от прагматического отношения к «своим» богам к философии единого непознаваемого всемогущего бога, «эволюция мысли от объективных, близких человеку божеств политеистического и связанного ритуалами мира к идее универсального Бога. Это неизбежно повлекло за собой трансформацию функции мифа» [7, с. 303]. Задолго до К. Ясперса нечто подобное, характеризуя переход к религиозному мировоззрению, заявлял Г. Гегель, согласно которому самая примитивная стадия религиозного развития – это «природная религия», или стадия колдовства. От этой стадии человечество постепенно приходит к монотеизму,

признанию «духовной индивидуальности Бога» – который перестает быть антропоморфной проекцией и становится трансцендентным (принципиально непознаваемым).

Но существует еще одна своеобразная точка зрения на эту проблему, высказанная в III в. н. э. Блаженным Августином. Опираясь на концепцию своего современника греческого философа-неоплатоника Плотина, этот авторитетный идеолог христианства предложил следующие градации сознания и действий родственных ему:

1) низшая стадия – это действия, направленные на существование в мире на основе животных инстинктов,

2) собственно сознание, т. е. способность бездуховно, но целесообразно существовать в мире,

3) наивысший уровень – это «погружение в божественное», отрешение от всего земного. Правда, согласно Августину, находиться в этом состоянии можно только временно, из-за мирских потребностей человеческого естества.

Как ни удивительно, на вероятность существования этой последней стадии указывает З. Фрейд [8], которого трудно заподозрить в избыточной религиозности. В своей концепции психоанализа он связывает ее с устойчиво проявляющейся стадией психоза в онтогенезе психики детей.

Опираясь на все вышесказанное можно предположить следующую очередность событий в появлении и становлении человеческого сознания:

1) исходный уровень психики высших млекопитающих и первых гуманоидов, характеризующийся в основном поведением, основанным на животных инстинктах, но с некоторыми элементами целесообразных действий при одновременном развитии социальных форм сосуществования, выработанных ранее в процессах социальной эволюции,

2) уровень возникновения и развития механизмов мифологического постижения мира и своего места в нем, основанный на представлениях, унаследованных от своего эволюционного прошлого, включая феномен иерархии,

3) уровень ломки первичных мировоззренческих систем и трансформации антропоморфных мифологических концепций в философию трансцендентного универсального Бога, занимающего наивысшее место в мировой иерархии,

4) переход к самосознанию – видению мира (и Бога) через собственное «Я», характеризующему современную методологию познания, основанную на анализе собственного и коллективного опыта.

Очевидно, на уровне возникновения религиозного мировоззрения и философии проходит граница между природными истоками сознания и его мировоззренческой ипостасью, основанной исключительно на анализе собственного содержания сознания. А это означает, что именно мифология является тем самым мостиком, который соединяет интеллектуальную системную информацию с несвязанной информацией сферы

бессознательного. Но последняя, согласно информационно-системной концепции, сформировалась в результате действия закона сохранения информации в процессах эволюции психики (и ее эволюционных аналогов) всех поколений предков человека. Т. е. это потенциальная информация, характеризующая механизмы взаимодействия всех эволюционных предшественников человека с окружающей средой (в широком смысле).

Все это приводит нас к следующему выводу: опираясь на многочисленные аргументы в пользу мировоззренческого содержания мифологем, можно утверждать, что соответствующая им составляющая коллективного бессознательного представляет собой *принципы, лежащие в основе формирования логических основ сознания, включая структуру систем мистико-фантасмического восприятия действительности первобытным человеком*. Т. е., исходя из положений системно-информационного подхода, можно быть уверенным, что *человеческая психика содержит в качестве потенциальной информации все основные принципы организации информационных систем психической сферы, возникшие в процессе ее эволюции, начиная от истоков ее появления у наших отдаленных животных предков* [9-11].

Одним из основных положений теоретико-информационного подхода является тезис об эволюции всего организованного сущего как способе формирования в процессах самоорганизации и саморазвития структурированной материи и ее производных устойчивых информационных систем – стереотипов, лежащих в основе организации всех объектов и систем. Информационные стереотипы, отражающие не все признаки самовоспроизводящихся систем, но их принципиальную основу, могут рассматриваться в качестве своего рода *«организационных идей»*, объединяющих все конкретные системы, принадлежащие к одному виду (например, биологическому), либо другой классификационной категории, идентифицирующей реальные системы, связанные общим (в широком смысле) происхождением, и обнаруживающим единые организационные принципы в структурной и функциональной области, а также единообразии в способе отражения аналогичных факторов окружающей среды.

Исходя из представлений о непрерывности эволюционных процессов, приведших к появлению биологического вида *Homo sapiens*, представители которого обладают сознанием, необходимо считаться с вероятностью влияния на сферу последнего фонда потенциальной информации, сформировавшегося в процессе эволюции в результате действия закона сохранения информации и представляющего содержание сферы бессознательного. Естественно, сфера бессознательного будет содержать в несвязанном состоянии основные организационные принципы, относящиеся к психике эволюционных предшественников человека. Несомненно, некоторые из реликтовых фрагментов систем подобного рода могут проявляться в некоторых нештатных ситуациях, например, в случае деградации индивидуальных систем психики и сознания

под действием тех или иных факторов. С подобными случаями зачастую сталкиваются психиатры, не всегда способные дать им соответствующее системное объяснение.

Есть и другая возможность попытаться проникнуть в сферу бессознательного. Так, некоторые приверженцы индийской философии в процессе медитации, используя своего рода самогипноз, находят способы обойти блокирующие механизмы информационного стереотипа сознания (точнее, действие закона системности информации). Тем самым, они получают доступ к потенциальной информации сферы бессознательного, среди которой, естественно, есть стойкие фрагменты, в какой-то степени представляющие восприятие и отражение действительного мира нашими предками, в том числе и животными. Вне всякого сомнения, эта информация определенным образом привязана к различным временным уровням, отвечающим дискретным этапам эволюции психики предковых биосистем, в том числе и поведенческой, эмоциональной, психической и интеллектуальной, причем в последовательности прохождения этих этапов. Поскольку эта информация в конечном итоге преломляется через сознание медиума, создается вполне «реальная» картина процесса «переселения душ» (реинкарнации).

СОЗНАНИЕ И ПРЕДСОЗНАНИЕ КАК ВЗАИМОДОПОЛНЯЮЩИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Есть еще некоторые особенности мифотворчества достойные внимания исследователей. При анализе раннемифологических явлений можно выявить феномены, свидетельствующие об удивительных процессах предсознания. Например, *анимизм и фетишизм* – одушевление (оживление) вещей и их обожествление – вероятно за этими явлениями стоит то, что можно трактовать как проявление интуитивного восприятия их первичности по отношению к человеку и даже ко всему живому в этом мире. *Тотемизм* – еще показательнее – поклонение своим эволюционным предшественникам – либо даже проявление чувства вины перед ними за употребление их в пищу.

Представления Дж. Бирлайна [7] о мифах как просто преданиях, передающихся из уст в уста от поколения к поколению и вошедших в фонд подсознания, не способны объяснить связь мифологем с будущим, для этого необходимо действие аналитических механизмов. Вероятно, в качестве последних выступают механизмы выработанной в процессах эволюции всего организованного сущего всеобщей логики бытия, создающей организационные идеи из потенциальной информации, представляющей содержание сферы бессознательного [9-11]. А это в свою очередь означает, что за мифами стоят более сложные механизмы и процессы. Вполне возможно, что в качестве подобных генетически закрепляющихся универсальных механизмов выступают принципы обратной связи, действовавшие и оправдавшие себя в процессах прогрессивной эволюции в механизмах адаптации и формирования стереотипов общественного поведения.

В таком случае, можно сказать, что мифотворчество – это, с одной стороны полигон для развития истоков сознания, с другой – механизм сопоставления результатов непосредственного познания природы и общества с содержимым фонда потенциальной информации. Поскольку любая современная система, включая животных и человека, ведет свой род от «сотворения мира», мы вправе ожидать проявление действия закона сохранения информации в психической сфере за все эволюционные (информационные) преобразования. Именно поэтому *в мифах нарождающееся сознание пытается осмыслить историю взаимоотношений живого мира, в том числе организма (организационной идеи) с миром неживой природы и другими организмами (сообществами организмов), обращаясь как к самой потенциальной информации, так и к изначальной всеобщей логике бытия, сформированной и сохраненной в сфере бессознательного в процессах биологической эволюции.*

Иное дело сфера сознания, где осмысление окружающего мира идет, так сказать с нуля, т. е. с формирования самосознания и разработки специфической логики и познавательных средств, развивающихся методом «от достигнутого ранее». Налицо два пути познания действительного мира: один опирается на оценку действительности «изнутри» т. е. с привлечением потенциальной информации сферы бессознательного и использованием всеобщей эволюционной логики бытия, сформированной «от сотворения мира» до появления самосознания. После возникновения самосознания как наиндивидуального свойства человеческой психики в сфере организации информации, первый путь оттесняется на второй план, так, что информация сферы бессознательного становится практически недоступной интеллектуальным системам из-за действия закона системности информации за исключением прорыва первой в исключительных обстоятельствах (интуиция, сбой в системе самосознания).

При всех преимуществах второго способа, несомненно, следует осознавать, что огромное количество потенциальной информации сферы бессознательного в таком случае остается невостребованными, в то время как сознание методом проб и ошибок пытается решить, в том числе и проблемы, уже некогда решавшиеся в эволюционном прошлом исследуемых систем. Не следует также упускать из виду, что основная часть информации психической сферы, включая и наследственные элементы, хоть и остается не охваченной сознанием, тем не менее, очевидно, что именно сфера бессознательного обладает собственными механизмами организации информации, основанными на принципах, выработанных в процессах эволюции и развивавшимися от уровня к уровню. Лишь часть этой всеобщей логики бытия освоена сознанием, поэтому столь сильно влияние чувственной бессознательной сферы на интеллектуальную.

Очевидно, прав известный ученый-биолог А. Любищев, утверждавший следующее: «...наша целеполагающая деятельность не всегда сознательна. Даже в области научного творчества мы имеем много указаний, что значительная часть умст-

венной работы, и притом у особенно выдающихся ученых, проходит вне сферы сознания. И по меткому выражению Бергсона, эта подсознательная сфера, по-видимому, гораздо обширнее сознательной, и только небольшая часть нашей общей психики освещена сознанием... в смысле воздействия на собственный организм эта подсознательная сфера гораздо могущественнее сознательной и потому проявляется с особой силой при выключении сознательной сферы...» [12, с. 179].

Приведенное высказывание весьма убедительно доказывает положение об отрицательной стороне действия закона системности информации и принципа самосохранения систем в процессах эволюции сознания: сформировавшийся стереотип мешает «перешагнуть» в процессах творческого познания мира и самопознания рамки устоявшихся, но отнюдь не абсолютных истин.

П. Валери, характеризуя творчество Б. Паскаля, высказывает следующее положение: «Надо читать мало и никогда не читать ни философов, ни историков. Лишь обращаясь к элементарным представлениям об окружающем мире, включая самого себя, можно обнаружить что-то новое». Разумеется, не стоит буквально воспринимать слова П. Валери о том, что нужно мало читать. Но *при подготовке будущих творческих работников необходимо обращать их внимание на слабые стороны и противоречия даже общепризнанных основополагающих концепций и парадигм и предостерегать от принятия «на веру» без доказательств суждений по тем или иным проблемам, даже если эти суждения исходят от непререкаемых авторитетов в данной области.*

Обсуждаемая проблема уже много лет лежит в основе спора о приоритете сознательного или интуитивного подходов в познании. Многие ученые с недоверием относятся к интуитивному знанию из-за отсутствия общепризнанного аппарата доказательства. Но не следует забывать, что в основе феномена интуиции отнюдь не лежит механизм стихийной организации информации. *Информационные системы здесь формируются путем самоборки информационных элементов на основе использования логики всех «жизнеспособных» принципов системности, накопленных в процессе эволюции в том числе и механизмами самосознания. Лишь небольшая часть этой всеобщей логики бытия открыта и включена в сферу сознания. Поэтому интуитивное знание должно сосуществовать с эмпирическим и аналитическим, причем именно последнее должно предупреждать появление ложных информационных систем, основанных на псевдологической основе.*

ЭМОЦИИ: ИНФОРМАЦИОННО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Феномен эмоций, как правило, отождествляют с такими явлениями, как наслаждение, радость, бестрашие, уверенность, отвращение, горе, страх, ненависть. Т. е. со всем тем, что составляет содержание ощущения человеком (и в какой-то степени животными) факторов окружающего мира, своего места в нем, включая восприятие самого себя. Су-

ществование эмоций предопределяет стремление человека и высших животных ко всему, что полезно для них, что приносит радость или удовлетворение, и напротив, предостерегает от вредных и опасных ситуаций, при условии существования информации о том, что именно полезно, а что вредно. Если память человека или животного не содержит подобной информации (либо она не поддается извлечению), они не способны испытать ни радости, ни страха, ни огорчения. В случае, когда человек или животное располагают информацией о том, что для них полезно, а что опасно, они обычно совершают вполне определенные действия: приближаются, нападают, укрываются, убегают, защищаются.

На первый взгляд, возникает парадоксальная ситуация – неведение делает невозможным проявление чувств, а знание делает их ненужными. Более того, достаточно хорошо известно деструктивное влияние сильных эмоций на поведение животных и людей, например, в случае паники, когда большие скопления животных и людей своими хаотичными действиями способны поставить себя в смертельно опасную ситуацию, нередко заканчивающуюся летальным исходом.

И все же, с позиций действия эволюционно сформировавшейся логики всеобщего бытия, невозможно представить, что существование эмоций является биологически нецелесообразным. В тоже время определить роль эмоций в адаптивном поведении животных весьма и весьма сложно, чему в немалой степени способствует существующая понятийная неразбериха. Например, многие ученые отождествляют эмоции с разнообразными потребностями живых организмов. Так, с точки зрения некоторых физиологов, термины «эмоция», «инстинкт», «безусловный (врожденный) рефлекс» – суть совпадающие понятия. Для них все ясно и просто: пищевой рефлекс – пищевая эмоция, голод. Оборонительный рефлекс – оборонительная эмоция, агрессия, страх, ярость. Половой рефлекс – половое влечение. Еще проще обстоит дело с классификацией положительных и отрицательных эмоций. Возникла потребность – значит налицо отрицательная эмоция, в то время как удовлетворение потребности сопровождается положительным эмоциональным переживанием.

На самом деле все значительно сложнее. Наследуемые (безусловные) рефлексы – суть устойчивые формы биологически целесообразного поведения, возникшие и закрепившиеся в процессе филогенеза. До сих пор остается неясным: почему эти типы достаточно жестко запрограммированных действий требуют еще некоторой эмоциональной составляющей. Нельзя же считать двигательные компоненты врожденного реагирования собственно безусловным рефлексом, а его вегетативные компоненты (изменения деятельности внутренних органов) – эмоцией. И, тем не менее, нередко биологическое значение эмоций сводится к вегетативному обеспечению мышечной деятельности кислородом, питательными веществами, гормонами и т. д. Наиболее важно здесь отличать энергетические и эмоциональные составляющие рефлекторной деятельности.

Безусловные рефлексы представляют собой целостные управленческие акты, обязательными компонентами которых являются органическая потребность организма. Эмоции при этом представляют только составную часть безусловно-рефлекторного акта и не могут представлять рефлекс в целом. Именно поэтому неудивительно, что одна и та же потребность способна вызвать самые различные эмоции. А это означает, что так называемых эмоций голода, жажды, полового влечения просто-напросто не существует. Существует потребность в пище, воде, сексуальном удовлетворении, температурном комфорте, устранении болевого воздействия. В разных условиях эти потребности порождают разнообразные эмоции, имеющие огромное приспособительное значение.

Можно сказать, что не существуют и эмоции любви в ее человеческом смысле, поскольку любовь – это одна из разновидностей сложной многогранной потребности, сформированной под воздействием информационной составляющей социальной среды, этики и культурных традиций того или иного общества как саморазвивающейся сущности. В зависимости от обстоятельств любовь порождает эмоции радости, восторга, благодарности, обиды, печали, негодования. Но саму любовь неправомочно относить к разряду эмоций.

Таким образом, будучи тесно связаны с приспособительным поведением, эмоции не совпадают с ним. Всякая попытка выяснить значение эмоций должна ориентироваться на раскрытие природы тех отношений, которые существуют между эмоциями и целенаправленной двигательной активностью живых систем. Для того чтобы определить роль эмоций в приспособительном поведении животных и человека, необходимо рассмотреть вопрос о потребностях и действиях, способных привести к их удовлетворению.

В общем, все многообразие потребностей живых организмов сводится к самосохранению в рамках возможностей своего индивидуального и видового существования. Поэтому не бывает потребностей положительных и отрицательных. В нормальном организме потребность всегда отрицательна как состояние и положительна по своим целям, будь то потребность в получении пищи (голод) или потребность в прекращении болевого раздражения. Соответственно факторы, мешающие удовлетворению данной потребности (отсутствие пищи или самки, действие вредных факторов, неблагоприятных температурных условий), всегда отрицательны.

Врожденная и приобретенная информация биосистемы трансформирует ее потребность в целенаправленное влечение. Удовлетворение потребности достигается с помощью действий, физиологическую основу которых составляют безусловные и условные рефлексы, за которыми стоят устойчивые информационные системы. Возникает вопрос: при чем же здесь эмоции? Более того, эмоции энергетически очень дорого обходятся организму с его строго сбалансированной энергетикой. Если биосистема обладает достаточным количеством системной (организационной) информации для проведения того или иного целесообразного действия, включая удовлет-

ворение потребности, эмоции не только не нужны, но даже и вредны, поскольку они могут помешать исполнению тех или иных целесообразных актов. Например, если существует проверенная программа победы над соперником – зачем нужна ярость, которая, как известно, ослепляет? Нет места для тревоги и страха, если приняты все меры для эффективной защиты. Не может быть радости или торжества, если ты заранее спроектировал надежную программу достижения любой цели.

Все дело в том, что биосистемы далеко не всегда обладают достаточным количеством информации, особенно когда речь идет о каких-то нестандартных, нестереотипных ситуациях. Поэтому они вынуждены прибегать к эмоционально-энергетической подпитке для разрешения ситуаций в условиях нехватки необходимой системной информации. Из чего следует, что *физиологический механизм эмоций высших животных и человека, по своей сути, является информационно-энергетическим механизмом, и был выработан в процессах биологической эволюции в целях мгновенной инициации внутреннего источника свободной энергии, позволяющей, с одной стороны, оперативно создавать провизорные информационные системы для ликвидации нестандартных ситуаций, используя фонд потенциальной информации, с другой – закреплять их или модифицировать с помощью положительных и отрицательных эмоциональных составляющих.*

С этих позиций можно утверждать, что такие ощущения, как наслаждение, удовольствие, ощущение комфорта, неудовольствие, отвращение, страдание не являются эмоциями в полном смысле этого слова. Они существенно отличны от таких состояний, как радость, страх или гнев. Механизмы их возникновения проще и непосредственнее, потому что в случаях удовольствия, отвращения или комфорта мы имеем дело с контактным взаимодействием, где ответная реакция организма (продлить или прервать?) определяется только оценкой самого действующего фактора, а не всей совокупностью условий, в которых происходит взаимодействие. И все же в специфике эмоциональных ощущений мы встречаем нечто характерное для любого эмоционального состояния – *способность компенсировать недостаток сведений для вполне обоснованной реакции живой системы.*

Необходимость оперативно реагировать на все возможные вариации ситуации, которая определяет действие всех систем жизнедеятельности организма, привела к развитию информационно-энергетических механизмов, направляющих и корректирующих биологически целесообразное поведение. При этом целесообразность поведения живой системы определяется не столько природой фактора, с которым она непосредственно взаимодействует. Огромное значение имеет вся совокупность условий удовлетворения жизненных потребностей. Неудовольствие и страдание мало помогут животному, уже оказавшемуся в когтях у хищника. Для того чтобы испытывать наслаждение, надо сначала овладеть его источником. Необходимы дистанционные действия овладения, избегания или борьбы, причем запас сведений для производства

этих действий может оказаться недостаточным. Вот здесь и вступают в действие механизмы эмоций как источники энергетической подпитки.

Феномен связи физиологического механизма эмоций с энергетикой биосистем прекрасно вписывается в общую системно-информационную концепцию, согласно которой *в большинстве случаев актуализация потенциальной информации непосредственно связана с наличием в системе свободной энергии* [13].

ИНФОРМАЦИОННО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОАНАЛИЗА

Одним из первых предпринял попытку системного осмысления феномена бессознательного австрийский психолог З. Фрейд [8], основатель психоанализа. Опираясь на огромный опыт исследования аномалий человеческой психики, он пришел к выводу, что это результат извечного конфликта между скрытым в глубине психики бессознательным и действиями, направленными на выживание в данной социальной среде, которая создает запреты («цензуру») сознания, травмируя психику и подавляя энергию бессознательных влечений, которая прорывается в сновидениях, бессознательных действиях (оговорках, описках), включая явления забывания неприятных событий. Таким образом, интуитивно, опираясь на представительный фактологический материал, З. Фрейд пришел к тем же выводам, что и мы в своих теоретико-информационных построениях: сознание, представляющее собой информационный стереотип, подчиняясь действию закона системности информации и принципа самосохранения систем, подавляет потенциальную информацию, которая существует параллельно и постоянно бомбардирует сознание, прорываясь в случае нарушения принципов системности сознания и психики.

Открытое З. Фрейдом явление вытеснения неприятных переживаний, фактов, событий представляет собой одну из сторон действия механизмов оптимизации исключения из сферы актуальной информации наиболее энергетически затратных, травмирующих фрагментов. Эта вытесненная информация является одним из самых сильных раздражителей, атакующих психику на уровне подсознания.

Работы З. Фрейда в области психоанализа представляют собой блестящий образец построения понятийной системы, основанной на интуитивном осмыслении явлений, протекающих в одной из самых сложных и таинственных систем, связанных с потенциальной и актуальной информацией сферы взаимодействия человека (и его предков) с окружающей средой (в широком смысле), находящейся на границе сознания и бессознательного.

Многочисленные замечания в адрес концепции З. Фрейда инициированы в основном тем, что в качестве доминирующего фактора человеческого поведения, он принимал психическую энергию, связанную с сексуальными влечениями. Многие ученые были с этим несогласны и в какой-то степени были правы. Дело в том, что З. Фрейд увидел *только поверхностную причину тех или иных по-*

буждений человека, поскольку сексуальная сфера – это только часть более общей и, несомненно, наиболее важной области жизнедеятельности как человека, так и его животных предков, связанной с процессами воспроизводства потомства. Поскольку именно эти механизмы обеспечивают сохранение данного вида биологической организации материального воплощения устойчивой информационной системы, своего рода «основной идеи», сформировавшейся в процессах биологической эволюции, потребовалось наиболее существенное их энергетическое обеспечение, за счет создания фонда свободной энергии, увеличивающегося по мере усложнения биологической организации.

Таким образом, истоки сферы чувственной информации следует искать не столько в сексуальных проявлениях, сколько в зарождении и развитии механизмов полового поведения, связанных с резким выбросом свободной энергии, направленной на повышение эффективности процессов воспроизводства. Взаимодействие этой информации с регуляторной, управленческой, социальной в условиях энергетической поддержки и привело (на основе общей логики биологической организации) к созданию основ чувственного восприятия мира. Особенности этого типа информации в том, что она лишь отчасти связана с актуальной информацией биологических и социальных стереотипов, и в большей степени опирается на некоторые наследственные, универсальные (трансуровневые) принципы системной организации.

К.Г. Юнг, создатель аналитической психологии, выдвинул концепцию коллективного бессознательного, согласно которой в психике человека помимо индивидуального подсознательного существует коллективное бессознательное, представляющее собой наследуемый опыт предшествующих поколений [1, 2]. Коллективное бессознательное выступает в форме архетипов (структурных элементов психики), формирующих фундамент духовной жизни человека. Архетипы задают основы системного восприятия мира, собственной личности и других людей, они нейтральны в отношении категорий добра и зла. Их количество ограничено, и особенно определенно они проявляются в мифах, сказках, ритуалах, снах, а также при некоторых формах психических расстройств.

Концепция К.Г. Юнга служит еще одним доказательством существования фонда потенциальной информации, оказывающей влияние на становление и развитие психики. Не всегда можно согласиться с интерпретацией К.Г. Юнгом [1993, 1994] тех или иных явлений, можно принимать или не принимать разработанную им структуру личности, но нельзя не оценить тот вклад, который он внес в познание структуры и объема информационного содержимого психики и, тем самым, в подтверждение действия закона сохранения информации на уровне психической сферы.

Следует подчеркнуть, что мы отнюдь не претендуем на исчерпывающую характеристику информационных процессов сферы бессознательного – это неисчерпаемая тема, но одно несомненно: применение информационного подхода уже сегодня

может дать ощутимые результаты в области разработки методологии аналитических исследований этой сферы.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ЭТИКИ

Под этикой и этимологически близким понятием «мораль» подразумевают систему взглядов, представлений, установок, оценок, норм, регулирующих поведение людей в обществе. Принято считать, что этика возникла с пробуждением сознания и развивалась вместе с эволюцией культуры, отражая целостную систему воззрений на социальное бытие и роль человека в обществе в каждый данный момент истории.

Однако нас больше всего интересуют те нравственные принципы и установки, которые не претерпевают сколь-нибудь существенных изменений с течением времени, сменой общественных формаций, социальными катаклизмами и присущи всем типам человеческого общества независимо от национальных, религиозных, культурных и классовых особенностей. Существование устойчивых универсальных нравственных принципов, неизменных в своей основе на протяжении всей истории человечества, издревле будоражили умы мыслителей: когда и как появились эти принципы и чем объяснить их столь исключительную устойчивость?

В эпохи социальных потрясений, распада государств, войн, катастроф эти принципы как бы отступают на второй план под давлением неблагоприятных обстоятельств: падения жизненного уровня, возрастающей агрессивности, всеобщего хаоса, насилия. Но в последующие периоды стабилизации социальной среды начинается процесс нравственного возрождения: возвращаются все те же идеалы, принципы сосуществования, критерии добра и зла.

Явление «вечности» и неиссякаемости нравственных категорий, естественно, не было оставлено без внимания всякого рода религиозными деятелями, причем, характерно, что каждое из вероучений связывало их происхождение с вмешательством некоего «своего» (в зависимости от рода религии) «Высшего Разума». Так, христианские богословы считают библейские нравственные нормы божественным откровением, распространяющимся на весь людской род, поскольку бог един. Однако не следует забывать, что в основе христианской морали, включая евангельские «Заповеди блаженства», лежат нравственные предписания Пятикнижия Моисеева – так называемый декалог (десятисловие), являющиеся нравственной основой иудаизма. Подобного рода нравственные предписания содержатся во всех основных религиях. Более того, принципиально подобные нормы мы находим в своде законов Хаммурапи, появившемся задолго до Библии и Корана. Но и это еще не все: анализ обычаев, правил поведения, религиозных норм в социумах, стоящих на самой низшей ступени социального развития, показывает существование тех же самых (в своей основе) норм и правил.

Существование фактов, подтверждающих феномен отстраненности этических норм от субстрата – человеческого сознания, привело И. Канта к мысли о необходимости разработки моральной фило-

софії, очищеної від всього емпіричного і свого-решного члену. Центральним поняттям концепції Канта стало поняття імператива – об'єктивно-го принципу, примусового для волі і являючогося велінням розуму. Гіпотетический імператив – це повеління, обумовлене бажанням досягти якоїсь практичної цілі. Категорический імператив – це безусловне повеління: «...поступай тільки згідно такої максими, керуючись якою ти в те ж час можеш побажати, щоб вона стала всеобщим законом» [14, с. 159].

К 30-м рокам минулого століття накопилось достатньо велика кількість фактів, доводячих незмінність основних моральних принципів і їх відносну незалежність від процесів суспільного розвитку. Проблема ця могла бути розв'язана двома шляхами: або визнанням учення церкви о надприродному походженні моральності, або пошуком коренів останньої в природних явищах і процесах, передуючих появленню члену. По другому шляху пішов Ч. Дарвін, висунувши в своїй роботі «Походження члену і статевий вибір» і її продовженні «О вираженні відчуттів у члену і тварин» положення о походженні морального відчуття із відчуттів общительності, існуючих інстинктивно або наслідково у нижчих тварин, із суспільних інстинктів і відчуттів «симпатії» у тварин. Дуже важливим представляється також висунуте Ч. Дарвіном положення о том, що у стадноживущих тварин внаслідок образу життя так сильно розвивається суспільний інстинкт, що він бере верх навіть над інстинктом самозбереження.

П. Кропоткін в серії робіт, опублікованих в початку століття і об'єднаних в 1991 г. під загальною назвою «Етика», продовжує розвивати погляди Ч. Дарвіна на істини походження моральності, розрізняючи наступні складові частини останньої: «... інстинкт общительності, із якого розвиваються далішні звички і мораль; зате поняття о справедливості; на ґрунті цих двох розвивається третій елемент морального – відчуття, яке ми називаємо не зовсім правильно самоотверженієм або самопожертвуванням, альтруїзмом, великодушнієм, відчуття, підтверджуване розумом, яке складає, в суцтності, іменно те, що слідвало б називати моральним відчуттям. Із цих трьох елементів, зовсім природно розвиваються во всякому людському суспільстві, складається моральність» [15, с. 271].

Сама концепція істини походження моральних принципів об'яснена нами в попередній главі через представлення о наслідковому характері основних принципів сосуществованія в природних коопераціях, виробланих в процесі органічної еволюції задолго до появи члену.

Слідует відзначити, що дії члену, його поведіння в процесах ціленаправленої діяльності можна розглядати через призму взаємодії двох типів стратегій: першої – виробленої самою природою, і другою – основаною на розумі. Дуже часто остання, вини-

кша і оформившася декількох сотень тисяч років назад, в зв'язі з появленням механізмів створення, накладає обмеження на стратегії, сформовані в теченні сотень мільйонів років шляхом самої ефективною перевірки факторами природного вибору. І результатам цього втручання не завжди можна дати позитивну оцінку.

Вот як оцінює цю ситуацію К. Лоренц: «Хто веде себе суспільно уже по природній схильності, тому... не потрібні механізми компенсації, а в разі потреби він має потужні моральні резерви. Хто уже в повсякденних умовах вимушений витрати всі стримуючі сили своєю моральною відповідальністю, щоб утримуватися на рівні вимог культурного суспільства, той, природно, значно раніше ламається при зростанні навантаження» [16, с. 25].

Книга К. Лоренца присвячена аналізу природних і суспільних істини виникнення агресивного поведіння. В стаціонарних умовах взаємодії збалансованих макросуспільств не містить елемента агресії. Він виникає як частина комплексу стратегій виживання в кризових ситуаціях.

Розглянемо основні із них:

1) *стратегія індивідуального виживання особи (сім'ї): передбачає фактор агресії для створення умов переживання несприятливих періодів;*

2) *в умовах затягнутого кризису індивідуальне виживання здійснюється не ефективно, оскільки не гарантує збереження основної «ідеї» даного виду організації. В цих умовах включається стратегія групового виживання, формуються кооперації осіб (сім'ї), відповідно модифікується механізм агресії, направленої проти інших групувань з метою створення більш сприятливих умов для власної (стратегія групового егоїзму);*

3) *в екстремальних умовах на межі знищення даного суспільства фактор агресії відсутній, уступає місце фактору надорганізації, як це слідует, в тому числі і із концепції етногенезу Л. Гумілева [17].*

Але якщо в природі ці стратегії виглядають зовсім доцільно, як проявлення принципу самозбереження систем в кризових ситуаціях, в людському суспільстві подібні явища звичайно спробують прикрити введенням фіктивних понять, таких як: «ідеали», «вищі цілі», «суспільні цінності» і т. п., зовсім бессмысленных з точки зору природних стратегій. По цьому поводу К. Лоренц заявляє наступне: «Також дволикий Янус – члену. Єдине істне, спроможне з воодушевленієм присвячувати себе вищим цілям, потребує для цього в психофізіологічній організації, тваринні особливості якої несуть в собі небезпеку, що воно буде убивати своїх товаришів в упевненні, ніби так легко досягти вищих цілей. Се члену» [16, с. 29]. К сожалению, із подібних прикладів бессмысленных дій вийшло ім'я досягнення неких «ідеалів», основан-

ных якобы на разумных стратегиях, соткана большая часть истории человечества.

Выводы

КУМУЛЯТИВНЫЙ ЭФФЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Благодаря управленческим (регуляторным) функциям информация в своих проявлениях всегда обнаруживает определенную направленность. Здесь однако речь пойдет о явлениях резкого усиления эффекта информационного воздействия в определенных ситуациях. После перехода биологической информации из сферы структурной в управленческую этот эффект приобретает все большую масштабность по мере развития управленческих свойств информации и достигает максимума с появлением механизмов целенаправленного действия.

На ранних этапах биологической эволюции информационные процессы протекают в рамках действия принципа самосохранения биологических систем. *По мере развития управленческих функций информации происходит своего рода автономизация информационных систем в процессах стереотипизации, причем эти системы как бы становятся над системами-носителями.* Уже на поведенческом уровне отмечаются факты «самопожертвования», когда управленческие системы блокируют механизмы самосохранения. Фактов подобного рода более чем достаточно: религиозный фанатизм (массовые самоубийства, самооскопление и т. п.), добровольный уход из жизни при резкой смене условий существования или при нехватке жизненных ресурсов (пример, в недавнем прошлом, пожилые люди на Крайнем Севере), это и способность пожертвовать собой и своими ближними ради «идеи» (религиозной, научной, социальной). *Все эти факты свидетельствуют об одном: на уровне возникновения сознания возникают неравноценные взаимоотношения между информационными стереотипами и биологическими системами-носителями. Если на ранних стадиях биологической эволюции системная информация служила исключительно целям сохранения организации, с появлением сознания, связанные с ним стереотипы (истинные или ложные) приобрели способность в некоторых случаях пытаться сохранить собственную упорядоченность любыми средствами, включая блокирование механизмов самосохранения биологических систем – носителей.* Эти явления нередко сопровождаются массовой гибелью людей и не исключают вероятность их полного уничтожения в будущем в результате осуществления одной из «разумных» стратегий, построенных на противопоставлении себя и своих ближних как социальному окружению, так и природе. Единственным тормозом этих явлений могут служить эволюционные наследственные принципы сосуществования организмов в природных кооперациях, являющиеся примером наиболее оптимальных стратегий решения кризисных ситуаций.

Среди прочих примеров проявления направленного действия информации особняком стоят случаи целенаправленной передачи информационного воздействия с высших уровней на низшие. Так,

посредством концентрации сознания можно оказать серьезное воздействие на регуляторную и даже структурную сферы. Например, с помощью самовнушения можно вызвать на теле эффект ожога. Известны случаи появления на руках и теле фанатиков-христиан так называемых стигматов – имитации следов от гвоздей на теле Христа и это также под воздействием самовнушения. Этими же методами можно добиться и обратного эффекта: обезболивания, снятия последствий термического воздействия, быстрого заживления травм различного характера. *Эти явления можно объяснить феноменом информационной индукции через сферу сознания и бессознательного к информационным механизмам управления функциональными системами организмов.*

С подобных позиций объясняются случаи массового исцеления, массового психоза, коллективных галлюцинаций и т. п. Впрочем, эти проблемы требуют специального рассмотрения.

Системно-информационная методология открывает новые горизонты видения многих аспектов психики, сознания и бессознательного.

Список литературы

1. Юнг К.Г. Один современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе / К.Г. Юнг. – М. : Наука, 1993. – 150 с.
2. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления / К.Г. Юнг. – К. : Изд-во AIRLAND, 1994. – 405 с.
3. Дьяконов И.М. Предисловие / И.М. Дьяконов // Мифология древнего мира. М. : Наука, 1977. – С. 3–60.
4. Heine H.G. Akademische Vorlesungen über die Archäologie der Kunst des Alterthums, insbesondere der Griechen und Römer. – Braunschwig, 1822
5. Малиновский Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский. – М. : Рефл-бук, 1998. – 304 с.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев // Из ранних произведений. М. : Изд-во «Правда». Приложение к журналу «Вопросы философии», 1990. – С. 393–646.
7. Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология / Дж. Ф. Бирлайн ; [пер. с англ. А. Блейз]. М. : Крон-Пресс, 1997. – 334 с.
8. Фрейд З. Введение в психоанализ : Лекции / З. Фрейд. – М. : Наука, 1989. – 456 с.
9. Оноприенко Ю.И. Эволюция сознания как часть общего процесса саморазвития материи / Ю.И. Оноприенко // Totalogy-XXI. Постнеклассические исследования. – Вып. 8. – Киев, 2002. – С. 102–123.
10. Оноприенко Ю.И. Информация сферы бессознательного / Ю.И. Оноприенко // Сборник научных трудов международной конференции «Человек и космос». – К. : ИВЦ Госкомстата Украины, 2003. – С. 110–115.
11. Оноприенко Ю.И. Системно-информационные истоки сознания / Ю.И. Оноприенко // Колымские вести. – № 24. – 2004. – С. 24–39.
12. Любищев А.А. Проблемы формы систематики и эволюции организмов / А.А. Любищев. – М. : Наука, 1982. – 278 с.
13. Оноприенко Ю.И. Биологические информационные системы. Логико-методологический аспект / Ю.И. Оноприенко. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 124 с.
14. Кант И. Критика способности суждения / И. Кант. – М. : Искусство, 1994. – 367 с.
15. Кропоткин П.А. Этика / П.А. Кропоткин // Избранные труды. – М. : Политиздат, 1991. – 496 с.
16. Лоренц К. Агрессия (так называемое Зло): Главы из книги / К. Лоренц // Вопросы философии. – № 3. – 1992. – С. 5–38.
17. Оноприенко Ю.И. Анализ концепции этногенеза Л.Н. Гумилева с позиций системно-информационной методологии Оноприенко Ю.И. // Вісник Національного авіаційного університету. Філософія. Культурологія. – Вип. 18. – К. : НАУ, 2013. – С. 17–25.

18. Оноприенко Ю.И. Закон сохранения информации в биологии / Ю.И. Оноприенко. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1985. – 160 с.

19. Оноприенко Ю.И. Биологическая организация и наследственная информация / Ю.И. Оноприенко. – Владивосток: Изд-во ДВО АН СССР, 1990. – 172 с.

20. Оноприенко Ю.И. Системно-информационная методология в современной науке / Ю.И. Оноприенко // Наука и науковедение. – № 1. – 2008. – С. 23-40.

21. Оноприенко Ю.И. Системно-информационная методология в современной науке: статус, принципы, возможности / Ю.И. Оноприенко – Киев, 2009. – 246 с.

Ю.І. Онопрієнко

СИСТЕМНО-ІНФОРМАЦІЙНІ МЕХАНІЗМИ ПСИХІКИ І СВІДОМОСТІ

На основі авторської концепції системно-інформаційної методології розглянута природа і механізми психіки і свідомості. Велика увага приділяється ключовий при аналізі свідомості проблеми міфотворчості.

Ключові слова: психіка, свідомість, предсознание, несвідоме, міф, міфотворчість, системно-інформаційний підхід.

Yu.I. Onoprienko

SYSTEM-INFORMATION MECHANISMS OF THE PSYCHE AND CONSCIOUSNESS

The nature and mechanisms of the psyche and consciousness are explored on the basis of the author's concept of system-information methodology. Much attention is paid to the problem of myth-making which is the key one in the analysis of consciousness.

Keywords: psyche, consciousness, pre-consciousness, unconscious, myth, myth-making, system-information approach.

УДК 316.454

Л.А. Ороховська

ТРАНСФОРМАЦІЇ СУСПІЛЬНОЇ СВІДОМОСТІ ПІД ВПЛИВОМ НОВІТНІХ ІНФОРМАЦІЙНО-КОМУНІКАЦІЙНИХ ТЕХНОЛОГІЙ

Національний авіаційний університет

Анотація. У статті аналізується маніпулятивний вплив медіа інформаційної доби на свідомість людини і суспільства. Особливу увагу приділено взаємовпливу медіакультури й інформаційної революції, що проявився в інформатизації медіакультури, посиленні влади телекратії, демасифікації та імперсоналізації мас-медіа і суспільства, уніфікації й стандартизації стилю та жанрів мас-медіа, атомізації суспільства, віртуалізації культури. Від рівня розвитку медіакультури залежить налагодження комунікації в суспільстві, створення символічної реальності, що репрезентує соціальні ідеали і почуття, конструювання соціально-політичних процесів і явищ через відповідну інтерпретацію подій та формування певної системи цінностей.

Ключові слова: мас-медіа, масова комунікація, медіареальність, соціокультурне буття, суспільна свідомість.

Вступ

Інформація – важлива складова в прийнятті рішень і тому управління інформаційними потоками є важливим чинником впливу на суспільну свідомість. Цей вплив став особливо відчутним наприкінці ХХ ст., коли посилилася глобалізація інформаційного простору. Інформація, яка раніше була доступною тільки в окремих регіонах та різнилася як за формою, так і за змістом, тепер, завдяки електронним мас-медіа, стала доступною в глобальному масштабі людям незалежно від їхньої освіти, соціального статусу, часу на дозвілля та матеріальних засобів. Нові технології дають можливість не просто передавати інформацію чи швидко віднайти її в мережі Інтернет, а й сприяють як здійсненню тотального контролю за індивідуальною і колективною свідомістю, так і впливають на трансформацію цієї свідомості. Глобалізоване суспільство зіштовхнулося з проблемами того, що мас-медіа, диктуючи певні стандарти, насаджують певні взірці, за якими вибудовується життя соціуму: стандартизуються навички та уміння у сфері професійної діяльності; поширюються певні стандарти поведінки і манери спілкування людей, які не пов'язані з їхньою національною та культурною приналежністю; поведінка соціальних суб'єктів під впливом нав'язаних мас-медіа стандартів стає програмованою та прогнозованою; забезпечується інтеграція індивідів у соціальні та політичні інститути суспільства; формується конфо-

рмістське ставлення до політики, одновимірність мислення.

Аналіз досліджень і публікацій

Проблеми інформатизації суспільства, взаємовідносин мас-медіа і влади, впливу мас-медіа на особистість розглядаються у працях С. Гриняєва, М. Дері, Ю. Запісоцького, Д. Іванова, С. Кара-Мурзи, М. Кузнецова, Б. Лозовського, В. Межуєва, В. Онопрієнка, О. Панаріна, Н. Петрової, К. Розлогова, С. Тер-Мінасової, Ю. Федотченко та інших дослідників.

Постановка завдання

У статті ставиться завдання дослідити маніпулятивний вплив медіа інформаційної доби на суспільну свідомість.

Основна частина

Вплив радіо, телебачення, а згодом і Інтернету на свідомість людини й суспільства змушує замислитися над тим, що мас-медіа стають не тільки засобами, які приносять інформацію, а й засобами, що ведуть до тотального контролю над думками та програмують поведінку людини. Вплив інформації, яку люди отримують за допомогою мас-медіа, Е. Тоффлер справедливо порівнює з інформаційною бомбою: «Інформаційна бомба зривається в самому натовпі людей, засипаючи нас шрапнеллю образів та докорінно змінюючи і сприйняття нашого внутрішнього світу, і нашу поведінку, переходячи від інформаційного простору